

ТРИЛЛЕР В ЛУЧШИХ ТРАДИЦИЯХ
«ИСЧЕЗНУВШЕЙ» ДЖИЛЛИАН ФЛИНН
И «ЖЕНЩИНЫ В ОКНЕ» Э. ДЖ. ФИННА

Молодая семья, идеальный быт, идеальные отношения. Сэм — примерный муж. Мерри — прекрасная мать и хозяйка. И восьмимесячный малыш Конор, ангелочек. Сейчас они живут в Швеции, в доме с цветущим садом... Мерри приглашает подругу детства по имени Фрэнк погостить у них какое-то время. Постепенно Сэм начинает проявлять к ней повышенное внимание, и это пугает молодую супругу. А вот Фрэнк замечает кое-что странное в отношении Мерри к сыну... С каждым новым днем, проведенным в семье, Фрэнк убеждается: все, что она видит — иллюзия, маски, за которыми скрываются настоящие лица, деспотичные и кошмарные. Но иногда лучше не знать чужих тайн...

Пугающая история о красивых людях с уродливыми секретами.

Publishers Weekly

Мрачный и лихо закрученный триллер.

Kirkus Reviews

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-5795-5

9 786171 257955

Мишель Сакс

ТЫ СОЗДАНА ДЛЯ ЭТОГО

Мишель Сакс

ТЫ СОЗДАНА ДЛЯ ЭТОГО

Все, что ты видишь — это обман

ТЫ
СОЗДАНА
ДЛЯ
ЭТОГО

Michelle Sacks

**YOU
WERE
MADE
FOR THIS**

A Novel

Мишель Сакс

ТЫ
СОЗДАНА
ДЛЯ
ЭТОГО

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2018 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111(73)
С15

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Публикуется при содействии “Writers House LLC”
и “Synopsis Literary Agency”

Переведено по изданию:
Sacks M. You Were Made for This : A Novel / Michelle Sacks. —
New York : Little, Brown and Company, 2018. — 352 p.

Перевод с английского *Оксаны Благиной*

Дизайнер обложки *Алина Ачкасова*

ISBN 978-617-12-5795-5
ISBN 978-0-316-47540-2 (англ.)

- © Michelle Sacks, 2018
- © Nemigo Ltd, издание на русском языке, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2018

Все персонажи и события в этой книге вымышлены.
Любое сходство с реальными лицами, живыми или умершими,
является случайным и не задумывалось автором преднамеренно.

Моей матери, Апрель

Будьте всегда очень осторожны в сумрачных шведских лесах — в этих чащах обитает множество темных-пре-темных существ. Ведьмы, оборотни и злые-презлые тролли. Остерегайтесь троллей! Они обычно похищают человеческих детей, чтобы воспитать их как своих собственных. О да, остерегайтесь троллей, вы не сможете заметить, как они к вам подбираются. Они очень хорошо маскируются.

Оса Линдквист. Мстительный тролль

МЕРРИ

Если бы ты нас увидела, тебе, наверно, просто стало бы тошно! Мы выглядим как актеры в рекламе процветающей страховой компании, — такие же сияющие, счастливые. Прямо образцовая маленькая семейка, живущая безупречно благополучной, счастливой жизнью.

«Правда, отличный был денек?» — спрашиваем мы обычно, подытоживая безмятежно проведенные дни. Этакое заверение, этакое обнадеживание, своего рода гарантия, что все остальные дни будут ничуть не хуже. Но здесь, в Швеции, таких «отличных» дней просто не счесть!

Тут так красиво, особенно сейчас, в середине лета — яркие краски, танцующий свет, нежное ласковое солнце. Красный деревянный домик, в котором мы живем, будто сошел со страниц детской книжки с картинками, — стоит себе в лесу среди деревьев, в цветущем саду. Обилие ярких красок здесь просто возбуждает: грядки овощей с сочными зелеными листьями, кусты, отяжелевшие зреющими на солнце летними ягодами; повсюду витает сладкий, пьянящий аромат цветов, и жужжат пчелы, которых привлекает все это великолепие. Летние вечера тихи и бесконечны — темнеет гораздо позже десяти. Бескрайнее озеро безмолвно и спокойно, его зеркало бледно-бледно голубое — наиболее светлого оттенка синего диапазона. Покой и благодать — только пение птиц да шелест листвы на ветвах.

* * *

Наша жизнь течет чередом: не слышно шума машин за окнами, не чувствуется уличной вони, не мешают ни соседи сверху своей оглушительной музыкой, ни соседи снизу воплями и нескончаемым нытьем. Тут нет ни мусора на тротуарах, ни гниющих отходов, как на манхэттенских свалках, ни потных работяг в метро, ни туристов — вообще никаких толп. Здесь не нужно каждый день отбиваться от крыс или тараканов, и здесь ты не сталкиваешься с какими-то извращениями или уличными проповедниками. Нет ничего, кроме

этой безоблачной жизни, неизъяснимой легкости и надежд. Только Сэм, я и наш малыш на этом островке для нас троих.

Как обычно, я уложила ребенка спать и пошла на кухню что-нибудь испечь. Сегодня у нас пирог с черникой, которую мы собрали в лесу в прошлые выходные. Я замесила тесто, раскатала корж, проколола вилкой и отправила в духовку запекаться до образования хрустящей корочки. Солнце уже вовсю лилось в большие распахнутые окна, его лучи расчерчивали полы нашего славного домика. Я варила спелые ягоды на медленном огне, добавив кленового сиропа и корицы, помешивала, чтобы они не пригорели и не испортилась начинка. Сэм в своей студии учуял запах выпечки со сладким фруктовым ароматом и вышел на кухню посмотреть, что я приготовила. Глянул на меня — и расплылся в широкой улыбке.

— Вот видишь, — сказал он, — я всегда тебе говорил, что ты просто создана для этого!

Пирог удался; мы ели его еще теплым, прихлебывали кофе из больших кружек, сидя под ласковым полуденным солнцем в саду. Малыш попробовал ложечку начинки — и она тут же полезла у него изо рта, как будто миниатюрный клерк в задумчивости разгрыз синий фломастер. Сэм рассмеялся и собрал ложкой темную кашичку с детского подбородка.

— Ты самый лучший ребенок на свете, — воскликнул он.

Затем подхватил его на руки и стал подбрасывать. Малыш смеялся, визжал, разбрызгивая остатки начинки. Я наблюдала за своими мужчинами. Мальчишки! Мои мальчишки. Отец и сын. Я улыбнулась, чувствуя кожей тепло солнечных лучей.

Чуть дальше по грунтовой дороге, соединяющей дома на территории природного парка, один из соседей построил загон, где содержались призовые кобылы со своими жеребятами. Жеребята, появившиеся на свет этой весной, пошатываясь, ступают на своих тоненьких слабеньких ножках, жадно изучая окружающий мир; кобылы осторожно подталкивают их мордами, мягко подбадривая своих малышей. Кобылы — превосходные матери. Терпеливые, заботливые. Они готовы яростно защищать свое потомство, как того требует природа.

Мы с Сэмом повели ребенка в поле, посмотреть на них.

— Лошадка, — сказал Сэм, ткнув пальцем в сторону животного. — И-го-го!

Сын закатился восторженным смехом. Я протянула руку к стоящей у забора каштаново-рыжей кобыле и почувствовала, как под моими

пальцами перекачиваются мощные тугие мышцы. Она была прекрасна. Сильное, уверенное в себе животное. Черные глаза горели огнем.

— Осторожно, — предупредил Сэм. — Молодые матери могут быть опасны.

Мы оставили лошадей и медленно вернулись к дому. Уже около года это — наш дом. Он находится в сорока пяти минутах езды от Стокгольма, в природном заповеднике на окраине Сигтуны, самого старого города Швеции. Этот природный парк занимает довольно большой участок на берегу озера Меларен, его территория покрыта в основном полями и лесами. Лишь кое-где меж сосен разбросаны редкие домики. Многие из домов столетиями принадлежали разным поколениям одной семьи. Старые красные деревянные хижины, которые в течение этих лет достраивали и реконструировали по многу раз. Эти стены повидали немало на своем веку и стали свидетелями многих рождений и смертей.

* * *

Сэм унаследовал дом от второй жены своего деда, Иды, которая родилась и выросла здесь. У нее не было своих детей, и она питала слабость к Сэму, который уже ребенком знал, как очаровать ее, как похвалить ее розарий, или пряное печенье, или мягкий шведский акцент, из-за которого ее речь звучала как песня. Когда несколько лет назад Ида умерла, оказалось, что она оставила ему этот дом, с условием, что его нельзя продавать, но можно передавать по наследству.

До прошлого года мы никогда не приезжали сюда и никогда не вспоминали ни о доме, ни вообще о Швеции. Единственной связью с этой страной была, пожалуй, та красная игрушечная далекарлийская лошадка, национальный символ Шведского королевства, которую Ида привезла нам в подарок во время своего приезда в Нью-Йорк. Игрушка стояла на подставочке для специй в нашей бруклинской квартире, рядом с мельницей для перца и нераспечатанной баночкой шафрана, которую я выторговала на ночном рынке в Марракеше.

Конечно, переезд сюда был идеей Сэма.

Все хорошие идеи принадлежат ему, как он любит шутить.

Он сказал, что ему хочется пожить в сказке. Что здесь мы будем еще счастливее, чем прежде.

Он был прав. Как всегда. Он всегда ведет нас в правильном направлении, как компас, который помогает мне избегать бурь. Мне очень повезло, что у меня есть Сэм.

Ближе к вечеру мы втроем долго гуляли по лесу, уютно усадив ребенка в специальный эрго-рюкзак. Гуляя, мы называли деревья и птиц, которых научились отличать за этот год, — ель, гнездо выюрков, ясень обыкновенный. Это наше новое увлечение, хобби, которое мы тут приобрели. Иногда мы смеемся сами над собой, представляя, какими были раньше.

В Сигтуне мы зашли в кафе у причала перекусить жирной селедкой в ржаных сухарях и картофельным салатом. Мы сидели и слушали крики чаек и плеск воды, гипнотически переплетающихся с тихим разговором хорошо одетых шведов. Официантка потрепала нашего малыша по щечке и на безупречном английском приняла наш заказ. «Спасибо, — поблагодарили мы на шведском. — Спасибо».

Вернувшись домой, я искупала сынишку и стала укачивать его на руках, пока он не уснул. Я уткнулась носом в его шейку, провела пальцами по его мягким, как пух, золотистым волосикам, которые потихоньку начинали густеть. Дотронувшись рукой до груди, я почувствовала стук его сердца, размеренный и удивительный. Тук, тук — эхо моей жизни. Мы с Сэмом, уставшие от долгой прогулки на свежем воздухе, скользнули под хрустящие простыни еще до того, как окончательно стемнело. Я свернулась клубочком в объятиях мужа и задумчиво переводила взгляд с его мужественного лица на темные глаза и решительный твердый подбородок, а затем на его грудь, мощную, словно закованную в доспехи. Настоящий мужчина. Сильный мужчина, который способен нести тебя по жизни на руках — и оно так и складывается.

— Отличный был денек, правда? — сказала я с довольным вздохом.

Сэм поцеловал меня в лоб и закрыл глаза. Я пошевелила рукой, собираясь повернуться на живот.

— Нет, — сказал он, — лежи так.

Да, все так, как и говорил Сэм. Сказочная жизнь в лесу.

СЭМ

Сегодня исполняется год с тех пор, как мы переехали в Швецию. Трудно поверить. Целый год! Новая страна, новый дом, новорожденный ребенок... Новая жизнь. Наверняка лучше прежней. Чтобы отпраздновать это событие, я приехал с деловой встречи в Стокгольме пораньше, привез букет свежих весенних цветов и бутылку

вина. В сувенирной лавке в старом городе я нашел для Конора вязаный шлем *Viking*.

Мерри была на кухне. Темные длинные волосы связаны в узел на макушке, на талии — передник. Она улыбнулась, увидев меня.

— Красивые, — сказала она.

— Как и моя жена, — ответил я.

Знаю, ей нравится, когда я ее называю женой. Она порывисто обняла меня, и я с удовольствием вдохнул ее запах; духи и что-то недавно жаренное.

— Со шведской годовщиной тебя, — шепнула она. — Смотри, я приготовила шведские фрикадельки, чтобы отпраздновать.

— А где мой мальчик? — спросил я и пошел к Конору. Он был в гостиной, на коврике для игр, лежал на спинке и пытался дотянуться до лягушки, которая висела на зеленой пластмассовой перекладине. Что за ребенок! Я не перестаю удивляться. Уже восемь месяцев. Он растет не по дням, а по часам. И постоянно меняется, постоянно в движении.

— Ну, как поживает мой чемпион сегодня? — спросил я, укладываясь на пол рядом с ним.

Он улыбнулся мне — и от этой улыбки у меня сердце затрепетало: эти розовые беззубые десны, и эта чистая, незамутненная любовь. Я уткнулся лицом в живот крохи, вдохнул запах присыпки и детского крема.

Потом натянул новый шлем на его головку и поднял малыша на руки, чтобы показать Мерри. Две светлые косички свисали по обе стороны шлема. Конор схватил одну из них и сунул в рот.

— Отлично, — рассмеялась Мерри, — теперь он готов возглавить вторжение.

Она так счастлива здесь. Беззаботна и счастлива. Мне нравится видеть ее такой. Я всегда хотел для нее именно такой жизни. Для нас.

Я передал ребенка ей, чтобы пойти умыться перед ужином. Она крепко прижала его к себе, и я на мгновение замер в дверях, чтобы полюбоваться этой сценой.

— Прекрасно, — повторил я.

Мы сидели вместе вокруг старого дубового стола Иды: Конор — в своем высоком детском креслице, которое я для него смастерил, а мы с Мерри — друг напротив друга. Она распустила волосы и расчесала их на пробор, как мне больше всего нравилось. На ней была голубая блузка, отчего ее серые глаза казались почти прозрачными.

Они то смотрелись совершенно пустыми, то походили на порталы в какой-то иной мир.

Я налил вина, Мерри подала на стол блюда и вытерла разлившийся по ободкам тарелок соус. Она зажгла свечи, хотя еще было довольно светло, и поставила цветы на дальнем краю стола.

— За Швецию, — сказал я, поднимая бокал.

Мерри подняла свой — и мы чокнулись.

— М-м-м, как хорошо, — похвалил я, попробовав ее блюдо. — Помнишь, когда мы только познакомились, — рассмеялся я, — ты не умела даже тост приготовить?

Иногда даже трудно вспомнить ту, прежнюю Мерри. Так сильно она изменилась с тех пор.

— Это было в другой жизни, — сказала она.

— Да уж, — согласился я. — Эта жизнь подходит тебе гораздо больше.

Она вся словно светилась. Вечерние лучи, проникавшие сквозь окно, окутывали ее фигуру мягким золотистым сиянием. Мерри пыталась накормить Конора, но он упрямо вертел головой, отворачиваясь от ложки.

— Что ты ему приготовила?

— Брокколи, морковь и курицу, — ответила жена.

— Повезло ему, — улыбнулся я. — Дай-ка я попробую.

Я взял у нее синюю пластмассовую ложечку:

— Ам, ам!

Он широко раскрыл рот, и спустя мгновение с едой было покончено.

— Видишь? — подмигнул я Мерри. — Просто нужно проявить настойчивость.

Позже, после того как Кон уснул в своей кровати, мы с Мерри расположились на лужайке и допили ту бутылку вина. Я привлек жену к себе и крепко поцеловал.

Над нами по темнеющему небу рассыпались звезды. В воздухе плыл густой, чуть удушливый аромат лаванды, цветущей в палисаднике. Я видел, что Мерри смотрит на меня, я даже увидел свое отражение в ее светлых глазах. Я задрал ее блузку и привлек жену к себе.

— Сэм! — запротестовала она.

— Ш-ш-ш-ш, — прервал я. — Мы с тобой в безлюдном месте, вокруг ни души.

Она расслабилась подо мной и слегка вздрогнула, когда я приподнял и раздвинул ее колени.

— И потом, — напомнил я, — мы должны постараться зачать еще одного ребенка.

Да!

В этом и есть жизнь.

Именно так и должно быть!

МЕРРИ

Сегодня у меня в планах был джем и детское питание. В саду полно плодов и овощей, а в холодильнике почти не осталось небольших кастрюлек, в которых я готовлю ребенку еду. Мы с Сэмом договорились, что наш сын должен есть только органические продукты — и только домашнюю еду, поэтому мы сами выращиваем большинство овощей, я готовлю их, делаю из них пюре и храню в бутылочках. Это не так уж и хлопотно. И потом, чего не сделаешь ради собственного ребенка!

Когда мы приехали в прошлом году, все здесь было запущенным и заросшим. Пятнадцать лет дом стоял заброшенным, газон зарос сорняками, деревья поразила черная гниль. Мы спилили сгнившие ели, выкорчевали кусты с узловатыми корнями, выпололи лисохвост полевой и мокричник, заполонившие лужайку. Накупили книг по садоводству и посадили ряды и ряды рассады из питомника. Сэм заказал на зиму парники с кирпичными стенами для защиты от мороза. Потом началось: то улитки атаковали нашу рассаду, то она никак не пускала побеги, то мы не вовремя ее сажали, неправильно подбирали время для пересадки и пикирования. Постепенно мы все-таки выработали правильный график посадки и сбора, выяснили, сколько требуется времени для того, чтобы созрела капуста, какая оптимальная щелочность почвы. Теперь мы во всем этом неплохо разбираемся. По крайней мере я. Поскольку сад и кухня — это моя епархия.

* * *

Теперь у нас нет недостатка в овощах. Каждое утро я выхожу в сад, высаживаю семена, удаляю сорняки, выкапываю из земли корнеплоды. В воздухе стоит тяжелый, густой запах свежей земли — пахнет чем-то полезным, хорошим. «Возвращение к основам», как говорит Сэм. Ему нравится делать вид, что он ощущает разницу; он, бывало, пробует салат и выносит приговор — домашний он или

купленный на базаре. Я обычно лгу, если он ошибается. Мне не хочется, чтобы он чувствовал себя глупо.

Для детского питания я варю овощи в кастрюльках на плите: одна для моркови, одна для брокколи, одна — для кабачков цуккини. Потом подписываю этикетки и приклеиваю на банки — словно малыш может прочесть и выбрать, что он будет есть на обед. Сэму нравится открывать холодильник и любоваться этими баночками, которые выстроились рядами, как маленькая продуктовая армия, готовая к бою.

— А кто это у нас такая хозяйюшка-хлопотунья? — восхищается он.

— Ну, наверное, я, — подмигиваю я мужу. — Скромница и умница.

Я и вправду «хозяйственная женушка». Просто создана для этой роли, по словам Сэма. Он обожает во мне эту присущую идеальной жене и матери хозяйственность и домовитость. Возможно, он прав, я на самом деле создана для этого. Я действительно весьма преуспела на этом поприще. Можно сказать, что это вполне естественно, но вы не представляете себе, как я усердно работаю, чтобы всего этого добиться!

Но неважно, какие усилия я трачу. Оно того стоит, правда? На что еще я могу надеяться? Что еще нужно? Любовь мужа, ребенок как дар свыше. Этого достаточно — это все.

Иногда эта новая жизнь заставляет меня чувствовать себя так, словно я — жена какого-то поселенца восемнадцатого века. Выращиваю овощи, пеку хлеб, хожу каждую неделю на фермерский рынок, чтобы набрать целый пакет зелени: цуккини, капусту, сельдерей — все, что я не могу вырастить в собственном саду. Сэм всегда поражается этим продуктам: свежести дикого норвежского лосося, вкусу настоящего фермерского масла или яиц, которые только-только собрали в курятнике.

— Как мы вообще выживали в Штатах? — недоумевает он.

— Сама удивляюсь, — отвечаю я.

Мы часто так делаем, сравниваем жизнь до и после, старый мир и новый. Швеция всегда побеждает. Мы редко не сходимся во мнениях. Швеция — это подарок Сэма мне, нам обоим. Это ответ на все вопросы. Лекарство от всех болезней, которые мучили нас раньше. Сэм называет это место раем и правомерно ожидает, что я с ним соглашусь.

Я и соглашаюсь. А как можно не согласиться?

Кроме заготовки джема и детского питания, сегодня день уборки ванной и кухни, поэтому, покончив с приготовлением еды, я делаю самодельное чистящее средство из уксуса и пищевой соды — рецепт из блога, который нашел для меня Сэм. Там полно всяких советов по ведению домашнего хозяйства, например как сделать ароматические свечи или справиться с трудновыводимой плесенью на стенах. Он подписался на рассылку, чтобы я не пропустила ни одного полезного совета.

Да, в этом он хорош. Дальновиден. Я восхищаюсь этим качеством в людях, способностью принимать решения и действовать по плану. Я никогда не была в этом сильна. И мне всегда было интересно, какой была бы моя жизнь, если бы я умела предусматривать и планировать все заранее.

Опустившись на колени в ванной комнате, я начала именно с ванны. Отчищала и натирала до блеска краны, пока не увидела своего отражения, искаженного и перевернутого вверх тормашками. Вытянула из слива слипшийся комок наших волос, скопившихся за неделю. Потом унитаз — кропотливая работа, пришлось чуть ли не с головой нырять внутрь. Что бы сказала моя мать, если бы увидела меня сейчас? Неопрятная, неухоженная — вот что она сказала бы. Или, более вероятно, назвала бы меня омерзительной. Немытая, без косметики, кожа лоснится от жира. Пот струится по футболке. Я понюхала свои подмышки.

Потом улынулась своему отражению в зеркале — ослепительно и широко. Раскинула руки, изобразив радушное приветствие.

— Добро пожаловать в наш дом, — сказала я вслух. — Добро пожаловать в нашу жизнь.

Женщина в зеркале выглядела счастливой. Убедительной.

Чуть раньше сегодня утром мне позвонила Фрэнк. Она разбудила ребенка.

— Я еду в Швецию, — сказала она.

— Что?

— Я приеду в гости!

Я говорила ей это снова и снова, целый год, с тех пор как мы сюда переехали, в каждом электронном письме и в каждом телефонном разговоре. «Ты должна к нам приехать, тут просто восхитительно, мы будем рады принять тебя у себя».

И вот теперь она приезжает. Она будет здесь уже через несколько недель.

— Она — твоя лучшая подруга, — сказал Сэм, когда я ему сообщила эту новость. — Это прекрасное известие.

— Да, в самом деле, — согласилась я с улыбкой.

Несколько дней назад я послала ей электронное письмо. Очередное пространное послание о моей замечательной жизни в Швеции, с фотографиями, подтверждающими мои слова. Фото моей домашней выпечки, улыбающегося ребенка, мужа с оголенным торсом. Она ответила почти сразу же, рассказав о новом повышении по службе и сверкающем новом пентхаусе в Баттерси. И тоже прикрепила фото, со своего недавнего отпуска на Мальдивах: Фрэнк в бикини со смешным принтом из крошечных ананасов, загорелая, лоснящаяся от солнцезащитного крема, с кокосовым коктейлем в руках, а на заднем плане лениво плещется Индийский океан.

Интересно, как она отнесется ко всему этому. К реальной картине моего мира, когда увидит его во плоти.

Я вытерла зеркало и открыла окна, чтобы проветрить комнату от запаха уксуса. В кухне я выдвинула посудомоечную машину и вычистила грязь, собравшуюся у стены. Я отчистила жир с внутренних поверхностей духовки, взобралась на стремянку и вытерла пыль на холодильнике. Иногда мне нравится писать пальцем слова на толстом слое пыли. «Помогите!» — почему-то написала я в это утро.

Ребенок проснулся и расплакался, когда я заливала рассолом оставшиеся овощи, разложив их по банкам. Маринование — еще один из недавно приобретенных мною навыков в кулинарии. Весьма полезный. Я пошла в детскую и устала на крикуна, лежащего в кровати.

Лицо его покраснело, оттого что на него не обращают внимания. На губах пузырилась слюна, когда он заходился криком. Он увидел меня, нахмурился, протянул ко мне ручки и заерзал, пытаясь подняться и выбраться из кровати.

Я наблюдала за ним. И всем сердцем стремилась вызвать в себе это чувство. «Пожалуйста, — просила я, — ну, пожалуйста!»

Они называют это материнским инстинктом. Но для меня это что-то далекое, пустой звук. Погребенный где-то в глубине души, под многими и многими слоями, — или вовсе отсутствующий инстинкт.

«Пожалуйста!» — снова взмолилась я. Но в душе, как всегда, была лишь пустота. Холодная и гулкая. Полнейший вакуум.

И я ничего не могла поделать, только стояла и смотрела.

Крики ребенка становились все более требовательными, лицо его все больше краснело, перекошенное от возмущения. Он постепенно посинел от крика. Я беспомощно замерла, словно парализованная. Потом отвернулась, чтобы он не мог вот так, глаза в глаза, просить меня погасить вспышку его раздражения. Не в состоянии понять, что я не могу этого сделать.

Я обвела взглядом его комнату, наполненную книжками и мягкими игрушками. Карта мира на стене с трафаретами арктических млекопитающих. Белый медведь. Лось. Лиса. Волк. Я сама рисовала их в последний месяц беременности, уложив коробку с красками на выпирающий живот. Целый мир специально для него. И все равно ему этого недостаточно. Меня ему тоже недостаточно.

А вот его для меня — слишком много.

В этом шуме я попыталась справиться с дыханием, почувствовать биение собственного сердца. Оно громко стучало сегодня, билось от собственных огорчений — сердитый кулачок в клетке ребер.

Я подошла ближе к кровати и посмотрела вниз на бьющегося в истерике ребенка. Моего ребенка. Я покачала головой.

— Прости, — сказала я наконец. — Мамочка не в настроении. Я вышла из комнаты и закрыла за собой дверь.

СЭМ

Мы с Карлом сидели в саду, пока женщины заправляли салаты на кухне. Карл и его жена, Эльза, — наши соседи, живущие на другом краю поля, приятные люди, типичные шведы, благонаправленные и трудолюбивые. Она преподает студентам, он недавно раскрутил собственный бизнес, занимается заменой систем отопления на более энергоэффективные модели. Как только мы переехали сюда в середине прошлого лета, они пригласили нас на вечеринку — и вот сколько времени прошло, прежде чем мы смогли пригласить их к себе.

— Новорожденный и связанные с ним хлопоты, — извинился я, и Карл лишь пожал плечами. Конечно, вполне понятно.

Их дочь, Фрея, сидела на лужайке и играла с Конором. Мы с Карлом разговаривали, и я старался не пялиться на него слишком пристально. Но отвести взгляд было очень трудно. Поразительные голубые глаза, богатырские рост и телосложение. Чистокровный викинг. Он принес в подарок кусок лосятины в вакуумной упаковке.

— Когда-нибудь сходим с тобой на охоту, — пообещал Карл. — Все шведы — заядлые охотники. Напомни мне, чем ты занимаешься? — спросил он.

— Я пытаюсь снять фильм. Документальный фильм, — ответил я.

— А раньше ты этим занимался?

— Нет, — признался я. — Раньше я был преподавателем. Доцентом кафедры антропологии. Колумбийский университет.

— Интересно, — поднял он брови. — А на чем ты специализируешься?

Я улыбнулся:

— Ритуальные и обрядовые маски Западной Африки. В частности, Берега Слоновой Кости. Как тебе такая бесполезная информация?

— Это очень интересно, я уверен.

— Да, было довольно увлекательно. Эти маски просто завораживают, — согласился я. — Они помогают племенам сохранять свою идентичность, свои традиции и культуру. Маски являются важной частью их обрядов и церемоний, их...

Я замолчал, не позволяя себе продолжать. Не позволяя вспоминать, что потерял.

Только вперед и ввысь!

— В любом случае пришло время перемен, — закончил я.

Я допил пиво из бокала и вспомнил нашу последнюю встречу с той нервной старой девой Николь из отдела по работе с персоналом. «Подпишите здесь, поставьте свои инициалы здесь». Быстрое, бесцеремонное увольнение, которое единым росчерком пера перечеркнуло почти два десятилетия работы — все мои успехи, почести и звания.

— Но они же меня даже не выслушали, — сказал я.

— Им известно более чем достаточно, — холодно ответила она.

— Значит, ты приехал сюда в поисках работы? — сделал вывод Карл.

— Не совсем, — возразил я. — Я начинаю новое дело. Это займет некоторое время. На данном этапе все сводится к встречам, я прошупываю почву, пытаюсь показать снятый материал нужным людям. — Я хрустнул костяшками пальцев, стараясь взять себя в руки. Но Карл не сдавался.

— Но почему именно здесь, в Швеции? — поинтересовался он.

— У нас здесь дом, — пожал я плечами. — Хотелось изменить свою жизнь. В Америке люди живут, не задумываясь о серьезных и важных вещах, — их все время что-то отвлекает. Мне... нам, нам хотелось чего-то настоящего, основательного.

— Так что, Америка — не настоящая? — улыбнулся Карл. Он уже прикончил второй бокал пива. Я полез в холодильник и вручил ему третью бутылку.

— Америка — страна, которая построена на мифах, — сказал я. — Она провозглашает особую миссию страны, американскую исключительность. Идея состоит в том, что мы лучше, чем есть на самом деле.

Карл кивнул:

— Так каков твой приговор? Тут лучше?

— Конечно, — сказал я. — Швеция, по-моему, лучшее в мире место для жизни.

— Может, ты невнимательно смотришь, — рассмеялся он, потом поднял пиво в шутовском тосте, — но все равно будем надеяться, что ты прав.

Я посмотрел на Конора, сидящего на газоне, такого ясноглазого, крепенького.

Конечно, я прав!

Подошла Фрея, чтобы показать Карлу порез на пальце. Он сказал ей что-то по-шведски, она кивнула и вернулась к Конору.

— А вы не скучаете по дому? — спросил Карл. — Не хочется почувствовать себя в окружении соотечественников?

— Я ни по чему в Штатах не скучаю, — признался я.

Из дома вышла Эльза, в руках у нее была большая миска салата из капусты и зелени. За ней следом вышла Мерри со стопкой тарелок и вилками. Она выглядела немного усталой. Она с самого утра на ногах, готовилась к приему гостей. Рядом с Эльзой она смотрелась немного неухоженной — немытые волосы зачесаны назад и собраны в пучок.

— Не было времени, — сказала она, раньше чем я спросил.

— Время есть всегда, — возразил я, — просто кое-кто не умеет правильно его распределять.

— А как ты, Мерри? — спросил Карл. — Ты скучаешь по Штатам?

Мерри посмотрела на меня и пожала плечами:

— А по чему там скучать?

Мы расселись вокруг стола и стали передавать друг другу миски с салатом и тарелки с закусками. Мерри переборщила с заправкой для салата, но я ничего не сказал по этому поводу.

— Очень вкусно, — похвалила Эльза, но я заметил, что она почти ничего не ест.

Мерри вынесла тарелку с едой для Конора, и Фрея попросила разрешения покормить малыша. Она взяла ложку и покачала ею, как игрушечным самолетом, который летит прямо в рот мальчику.

— Вы только посмотрите! Прирожденная нянька, — улыбнулся я.

— Да, — согласился Карл. — Она с нетерпением ждет братика или сестричку, чтобы с ними можно было играть.

Эльза положила вилку и нож. Карл глотнул пива и одарил меня хитрой улыбкой:

— А пока мы купили ей кота.

Эльза посмотрела на Конора и погладила мужа по плечу.

— Чудесный малыш, — сказала она. — Очень милый!

— Конечно, — согласился я, подумав, и как это Карл до сих пор не раздавил ее, ложась на нее сверху.

Мерри встала и принялась собирать со стола тарелки, соскребая остатки еды. Эльза предложила ей свою помощь, но Мерри отказалась. Она вернулась из кухни с тортом, украшенным ягодами и сливками.

— Моя богиня, — сказал я. — Что у нас тут?

Мерри расставила на столе стеклянные тарелки и разложила серебряные десертные вилки. Я узнал вилки из набора столового серебра ее матери.

— Мерри, — сказал Карл, — ты не рассказывала нам, чем занимаешься.

— Она занимается вот этим, — указал я на торт, и мы все рассмеялись.

— Раньше я работала художником-декоратором, — ответила Мерри едва слышно.

— Для кино? — поинтересовался Карл.

— Кино, телешоу, просто телереклама.

— Да, она всегда обустроивала эти вымышленные мирки. Кухни, гостиные, все эти интерьеры, которые всегда встречаешь в дрянной дешевой рекламе. Дезинфицирующее мыло для рук или матрасы.

— Ну, было несколько более интересных проектов, — возразила Мерри.

Я вдруг вспомнил, как однажды вечером она пришла домой с зеленым креслом, которое ей вручили как плату за целый рабочий день. Она попросила меня поднять его в нашу квартиру. Помню, как меня раздражало это кресло, как злился на то, что она отрывает меня от дела, прося помощи в такой глупости, когда я корпел над документами. Эта работа была унижительной для нее. Она была унижительной для нас.

Я посмотрел на нее сейчас — и заметил в глазах этот взгляд, который появлялся у нее время от времени. Задумчивый. Меланхолический. Как будто ее мысли витали где-то далеко. Будто она за- была, где она и кто.

Я откусил еще кусочек торта:

— Боже, как же вкусно, правда?

— Да, — согласился Карл. — Очень хороший торт.

Мерри моргнула и улыбнулась.

— Ты планируешь найти тут что-то подобное? — спросила у нее Эльза. — Тут снимается масса местных шоу, в Стокгольме или Гетеборге. Было бы весьма удобно, очень близко к дому.

Я поймал взгляд Мерри, и она покачала головой.

— Нет, — сказала она. — Мне нравится возможность просто сосредоточиться на материнстве. Это действительно самое важное.

Перед тем как соседи ушли, я позвал Карла в дом, чтобы показать ему свою коллекцию африканских масок. Шесть резных деревянных лиц: три из Кот-д'Ивуара, одно из Бенина, две маски плодородия племени игбо — результат семестра, проведенного в Нигерии.

— Как экзотично, — сказал он.

— Они вселяют ужас, — вздрогнула Эльза.

— Мерри чувствует то же самое, — рассмеялся я. — Она годами умоляет меня положить их в коробку.

— И все же они по-прежнему на стене, — улыбнувшись, сказала Эльза.

После того как мы попрощались, я закрыл дверь и привлек Мерри к себе.

— Было весело, — сказал я.

— Да, — согласилась Мерри.

— Правда, они похожи на восковые фигуры, эти двое?

— Да, — сказала жена. — Эльза безупречна.

Я сделал себе заметку напомнить Карлу про его обещание взять меня с собой на охоту. Мерри заканчивала с уборкой и складывала посуду в посудомоечную машину, протирала кухонные столешницы, сметая крошки в ладонь.

Я поднял Конора с ковра и взял на руки. От него исходил аромат духов Эльзы. И пахло детским дерьмом. Я передал его Мерри.

— Похоже, пора менять подгузник, — сказала я.

МЕРРИ

Я наблюдаю за ребенком через решетку его кровати. Этакая маленькая тюремная камера, чтобы он наверняка не выбрался наружу. Он наблюдает за мной. И не улыбается. Я не доставляю ему радости.

Что ж, это чувство взаимно.

Я смотрю на его лицо. Внимательно ищу перемен. Говорят, дети все время меняются. Сначала они должны походить на своего отца, потом на мать, потом снова на отца. Но он похож только на меня. Все время только на меня. Слишком похож.

Его глаза смотрят на меня с немым упреком. Обвиняюще. «Помни, — говорят они, — помни, что ты со мной сделала». «Мне очень жаль», — шепчу я и отвожу взгляд.

Моя личная тюремная камера — не из деревянных перекладин. Она из стекла и деревьев. Стеклопанельная клетка — это наш дом, с огромными стеклянными окнами по всему периметру, которые отец Иды вставил, чтобы в доме было как можно больше света и пространства. Но высоченные столетние сосны застыли солнечный свет. Заточение на острове, и все пути отступления отрезаны, вся внешняя жизнь под запретом. Только мы.

Сэм, я и ребенок.

— Все, что нам нужно, — говорит Сэм.

— Неужели? — удивляюсь я. — Разве нет ощущения, что мы — последние трое выживших?

— Ой, — Сэм смеется над моей глупостью.

Он сегодня отправился в Стокгольм или Уппсалу — я забыла, куда именно, — будет показывать свой видеоролик рекламному руководству и продюсерам. Он очень старается выполнить работу как можно лучше. Действительно делает все возможное. Он всегда выкладывается по полной. Ничто не может быть важнее семьи, как говорит он. Именно поэтому мы сюда и переехали, это — лучшее

место, чтобы растить детей. Как он любит этого ребенка! Умиляется каждой складочке и ямочке, каждому жесту. Когда-то он смотрел так на меня, словно я — чудо природы, божество, которое нужно боготворить и обожать.

— Ба-ба. Ма-ма. Па-па.

Все, что мы говорим, разбивается на слоги: птич-ка, до-мик, ки-ся.

Малыш иногда ест, но не всегда. Часто я готовлю ему еду — и ем ее сама, а он только наблюдает, как я отправляю себе в рот ложку за ложкой.

— Видишь? И все чисто. — Я предлагаю и ему полную ложку, но он качает головой.

Ребенок часто плачет, но еще не произносит ни слова. Он раскачивается на животе, еще не может ползать. Есть какие-то вехи в его развитии, которые я наверняка должна отслеживать и контролировать, но я этого не делаю. Справочник «Развитие ребенка в первый год жизни» лежит рядом с кроватью нетронутый, под тюбиком органического крема для рук с натуральным розовым маслом, производители которого отчисляют пять процентов прибыли от его продаж на сохранение тропических лесов.

— Ты ведь читаешь его, верно?

— Конечно, — вру я. — Очень информативно.

Малыш. Мой ребенок. У него есть имя, но почему-то я не могу заставить себя произнести его вслух. Конор Джейкоб Херли. Конечно, это имя выбирал Сэм.

«Конор Джейкоб», — сказал он.

Джейкоб — в честь его лучшего друга из старшей школы, который пропал без вести в море во время кругосветного путешествия. А Конор — дань уважения ирландским корням Сэма. Конор Джейкоб. Конор Джейкоб Херли. Так и было решено, и так написали на бирке его тоненького запястья. Я прочла ее. Произнесла имя своего сына. Конор Джейкоб Херли.

Шарики рядом с больничной койкой были голубого цвета. Один уже лопнул, его сморщенные останки одиноко висели где-то среди целых собратьев.

— Хотите поддержать своего сына? — предложила медсестра.

Если бы Сэма в палате не было, я бы покачала головой.

Он считает меня хорошей матерью, самой лучшей. Беззаветно преданной и заботливой. До самоотречения. Возможно, он прав

относительно последнего пункта. Иногда я сама себя спрашиваю: а где я? И было ли когда-нибудь это «я»?

В те дни, когда Сэма нет дома, я чувствую себя как в отпуске. У меня и ребенка нет зрителей, не нужно ни на кого производить впечатление. Обычно я не принимаю душ. И даже не переодеваюсь. Сажу в ночной сорочке на диване, смотрю реалити-шоу по телевизору — есть у меня такая гадкая привычка (одна из многих, должна признать). Мне никогда не надоедает смотреть, как пластмассовые, неестественные дамочки буквально пожирают друг друга, все эти домохозяйки и матери-подростки. Как они изображают искренность, когда на самом деле это лишь игра на камеру. Тем не менее все делают вид, что ничего не знают. Притворство — путь к успеху.

В обычные дни я позволяю себе совсем чуть-чуть масла, пытаюсь обуздать свою тягу к сладкому и контролировать вес. Но когда Сэма нет дома, я достаю из своего тайника в барабане стиральной машины пакеты с чипсами и пачки печенья, которые тайком приношу домой из магазина, спрятав под пачками подгузников и органических моющих средств. Я — гнусная обманщица. Это так недостойно приличной женщины. Я руками ковыряю грязь из-под ногтей на ногах и выдавливаю вросшие волосы на голених. Сэм содрогнулся бы, если бы увидел, как я это делаю. Меня саму иной раз передергивает от отвращения к себе вот такой. Что ж, когда Фрэнк придет, эту сторону своей природы придется спрятать. Некоторое время я не смогу так расслабляться.

Иногда я думаю, было бы неплохо съездить куда-нибудь, оставить наш уединенный островок. Конечно, у Сэма есть машина. Отсюда за час можно добраться куда угодно. А в сорока минутах ходьбы от нашего дома есть автобусная остановка. Сэм купил себе горный велосипед, чтобы гонять по лесным тропам, но для меня это исключено. Слишком опасно, сказал он, ездить на нем с ребенком.

Тут мы и зашли в тупик. Только мы вдвоем. Мать и дитя, и ничего другого не остается, лишь погрузиться с головой в домашнее хозяйство. Подозреваю, Сэму это нравится. Нет, я точно это знаю. Нравится, что меня ничто не отвлекает, что все мое внимание сосредоточено только на этом. Меня искренне удивило, что он с жаром поддержал идею приезда Фрэнк. В Нью-Йорке я всегда выслушивала его жалобы о том, что у меня находятся интересы вне дома, что меня что-то отвлекает. Его не устраивало, что часть моего «я» остается незанятой им, Сэмом. Любимая музыка Сэма, книги Сэма, которые он сейчас читает,

учебные материалы Сэма, его новые привычки в еде или его последняя тренировка. Его все. А теперь еще и ребенок Сэма.

Ребенок. Тот ребенок, которого мы зачали. Зачали — и впустили в этот мир. Я помню, что я чувствовала в тот день, стоя в тесной бежевой ванной комнате нашей маленькой квартирке, в которой всегда пахло прогорклым маслом из индийского ресторанчика на первом этаже. Я стояла и смотрела на эти две полоски, две жизнеутверждающие полоски, неоспоримые и необратимые. Это был уже второй тест. Але-оп! И готов ребенок!

Дверь распахнулась, Сэм неожиданно вернулся домой рано.

— Это правда? — спросил он, поймав меня с поличным.

Я не подала вида, что расстроилась.

— Да, Сэм, — воскликнула я. — Это замечательно, правда?

Страдания созданы для того, чтобы их переносить. Ты не можешь их преодолеть. Только нести и терпеть. Кто-нибудь может сказать: «Ты свободно можешь уйти». Вот только вопрос как. И с чем и куда. Я так и не смогла найти ответы на эти вопросы. И пожалуй, никогда не смогу принять такого решения. У меня в целом мире есть только Сэм. Он это знает. И отчасти именно это его и привлекает во мне. Это, а также то, что в одиночку мне не выжить. Я просто не буду знать, с чего начать.

Бывают бессонные ночи и ночи, которые, кажется, тянутся бесконечно. Я просыпаюсь иногда с ребенком на руках, но не помню, как и когда взяла его на руки. Он просыпается и кричит. Я подхожу к его кровати, смотрю, как он багровеет от крика, слезы ручьями текут по лицу, он заходится до спазмов в горле. Этаким свирепый, неистовый подменш из дикой природы. Я не хочу брать его на руки. Мне противно утешать и успокаивать его, хотя только это ему от меня и нужно, только об этом он и просит.

Я не могу этого сделать. Могу только стоять и смотреть, молча и неподвижно, пока он не накричится до полного изнеможения.

«Приучаю его засыпать самостоятельно», — объясняю я Сэму, если он жалуется на крики. Я цитирую какого-то уважаемого светила педиатрии, чтобы продемонстрировать, что очень серьезно отношусь к развитию ребенка. Но Сэм все равно находит к чему придраться и постоянно указывает мне на ошибки. Он предлагает какие-то мудрые советы — незначительные улучшения, как он их называет, им всегда найдется место. Да, он любит просвещать и воспитывать меня. И ему это неплохо удастся. Восполнение пробелов. Думаю, он

считает меня таким пробелом и постепенно меня «восполняет». Делай это. Надень вот это. Теперь тебе следует уволиться с работы. Теперь нам нужно пожениться. А теперь будем размножаться.

За эти годы он втолковывал мне, что ценить, а от чего — отказаться. Итальянская опера, классические русские пианисты. Экспериментальный джаз. Корейская еда. Французские вина.

Это Дворжак? Я спрашиваю его, как будто сама не знаю. Как будто это не я выросла в доме на берегу океана в Санта-Монике, где моим образованием занимались частные учителя, пичкая меня знаниями больше, чем мне хотелось, — и больше, чем я того заслуживала.

Муж. Хозяин дома.

Полагаю, он говорит мне только то, чего я сама не знаю. Что мне нужно. Чего я хочу. Кто я есть. И в обмен на это я отдаю ему всю себя. Я даю ему именно такую женщину, какой он хочет меня видеть. Безупречное исполнение. На меньшее он не согласен.

Мужчины, которые были у меня до Сэма, хотели меня спасти, прогнать прочь все мои страхи. Сэм же хотел создать меня с нуля. И мне не хотелось его разочаровывать, потому что не оправдать надежд Сэма — самое худшее, что может произойти. Это конец света, возвращение к безнадежной, неумолимой, грызущей пустоте внутри.

— Ты будешь потрясающей матерью, Мерри, — повторял он мне в течение всей беременности, всего токсикоза, тяжести и постоянного чувства враждебного, неудержимого вторжения. Он не мог отвести от меня взгляд — и руки от моего раздутого живота. Его завораживало его личное, как он считал, исключительное достижение.

— Ты только посмотри, — удивлялся он, — мы создали новую жизнь! Мы зачали это живое существо внутри тебя! Это просто чудо, — твердил он.

До появления ребенка было еще далеко. Но Сэм в своих мечтах уже разработал целый план: Швеция, совершенно новая жизнь. Сбросить старую кожу — и скользнуть в новую. Было что-то заманчивое в этой идее — покинуть Нью-Йорк, оставив в нем наши многочисленные секреты, неприятности и грехи. Некоторые из них были на совести Сэма, но самое темное пятно — на моей.

Ребенок, ребенок, ребенок. Сэм любит его так неистово, что иногда мне трудно дышать. А теперь нужно будет думать еще и о Фрэнк. Фрэнк в моем доме. Фрэнк в моей жизни. Так близко. Возможно, слишком близко. Мы — подруги детства, самый опасный тип дружбы. Повязаны общими воспоминаниями, совместными ночевками,

секретами, прошли через ревность, зависть и предательства, крупные и мелкие. Она всегда присутствовала в моей жизни — так или иначе. Уже очень долго. Даже когда мы далеко друг от друга, разделенные городами или континентами, чаще всего я думаю и вспоминаю о ней. Именно по ней я тоскую больше всего. Я представляю себе, как она отреагировала бы на то, что я говорю или делаю, на то, как я живу, кого люблю. Я представляю себе, как Фрэнк все это воспримет, как будет сравнивать мою жизнь со своей. Мы нужны друг другу — всегда были нужны.

Я помню, когда она впервые переехала в Нью-Йорк, — после того как получила степень магистра бизнеса, — ею заинтересовалась одна из ведущих консалтинговых компаний. И подруга вдруг стала совсем другой Фрэнк. Моталась по городам, встречалась с менеджерами фонда комплексного рискованного инвестирования, снимала пентхаус пополам с русской галеристкой. Спустя несколько месяцев я упаковала свои вещи и тоже переехала в Нью-Йорк. Отец оплатил мое проживание.

— А что ты здесь делаешь? — спросила Фрэнк, когда однажды субботним утром я появилась у нее на пороге с двумя бейглами, начиненными сливочным сыром.

— Я же говорила тебе, что всегда планировала жить здесь, — ответила я.

— Да. Мы нужны друг другу. Куда ж мы друг без друга?

Было девять часов, когда Сэм вернулся домой, — гораздо раньше, чем обещал. Ребенок был в своей кроватке, только недавно заснул после одной-двух ложек сиропа от кашля. Я иногда так делаю, когда случаются трудные дни. Это не должно ему навредить. Эти сиропы — тайные мамыны помощники.

И еще кое-что. Вроде того что я кладу подушки слишком близко к голове ребенка. Или укладываю его слишком близко к краю кроватки. Не знаю, зачем я это делаю. Не знаю, что на меня находит. Знаю только, что ничего не могу с собой поделать. Я часто лью слезы. Порой все немеет, части тела становятся нечувствительными и темнеют, словно пораженная гангреной конечность. Такая вот невосприимчивость к жизни.

Когда до меня донесся шелест гравия под колесами машины Сэма, я испугалась. Я сидела на диване и смотрела шоу о женщинах, которые соревновались со своими ближайшими подругами, кто из

них устроит лучшую свадьбу. И еще не привела себя в порядок. Я быстро захлопнула ноутбук и открыла книгу по развитию детей дошкольного возраста.

— Здравствуй, жена, — сказал Сэм, целуя меня в губы и обдавая несвежим дыханием — пахло гнилым мясом, и у меня сразу свело живот.

— Как все прошло сегодня? — поинтересовалась я.

Он проигнорировал вопрос, сел рядом со мной и обхватил мои налившиеся груди, взвешивая их в ладонях, как какой-нибудь средневековый купец.

— Кажется, наша Мерри пахнет мускусом? — смеясь, проговорил он. — Я знаю, чего ты хочешь, — он запустил палец мне в джинсы.

Я с утра не принимала душ и сама чувствовала свой интимный запах на его пальцах.

— Ты измеряешь температуру? — спросил он. — Ты должна делать это каждый день, чтобы мы не ошиблись с датами.

Пару недель назад он купил мне базальный термометр. Я должна была измерять температуру каждое утро и отслеживать каждую стадию своей овуляции. Фолликулярная фаза, лютеиновая фаза, период цикла — все это записывалось и вносилось в таблицу, которая была в приложении у меня в телефоне. Все по науке. Когда у меня наилучший момент для зачатия, телефон начинает отчаянно пищать и на экране появляется красный кружок. «Красный день календаря!» — словно объявляет он. Напоминание. Предупреждение.

— Я пользуюсь им, — сказала я. — Но нужно время, чтобы высчитать свой цикл.

Ему не терпится. Он хочет, чтобы я снова забеременела. Наставил, чтобы мы начали пробовать, когда ребенку было всего два месяца.

— Слишком рано, — умоляла я. — Там все еще болит.

— Глупости, — сказал он. — Доктор сказал — шесть недель.

А потом у меня снова были кровяные выделения — светло-розовые пятна на простынях, а на следующий день — на моем нижнем белье. Несколько пар трусов я сразу выбросила в мусорное ведро — кровь засохла бурыми, дурно пахнущими пятнами.

— Пойдем, — сказал Сэм.

Он привел меня в спальню и нежно уложил на кровать с вполне определенной целью. Я лежала и притворялась, что горю энтузиазмом.

О да! Еще! Пожалуйста! Ему нравится, когда я упрашиваю его. И когда я благодарю его после каждого акта, словно он сделал мне подарок.

В иные дни мне бывает особенно сложно выражать эту свою благодарность. Признавать, как сильно мне повезло. В такие дни Сэм двигался медленнее, замирал, заглядывал мне в глаза. Иногда он вызывает у меня отвращение — физическую реакцию на его запах и прикосновения; на то, как он дышит открытым ртом, приподнимая язык, на эти черные жесткие волосы, которые беспорядочными пучками покрывают его плечи.

Я внутренне содрогаюсь оттого, что он так близко.

Наверно, это нормально.

— Я люблю тебя, Мерри, — сказал он, и в этот момент я почувствовала ее — благодарность. Я почувствовала себя любимой — по крайней мере мне показалось, что почувствовала. Иногда нельзя сказать наверняка.

Сэм лег сверху и вошел в меня. Он вцепился в меня обеими руками — и дышал мне прямо в ухо.

— Давай родим ребенка, — сказал он, подходя к самому пику.

СЭМ

Сегодня утром я проснулся рано, побрился, оделся и уже собрался выйти из дому, как меня окликнула Мерри — она усаживала Конора на его высокий детский стульчик:

— Ты куда-то едешь?

— Снова в Уппсалу — я предупреждал тебя несколько дней тому назад.

— Нет, ты ничего мне не говорил.

— Все в порядке, — сказал я, целуя их обоих. — Ты просто забыла. Знаешь, тебя иногда подводит память.

— Снова едешь?

— Меня пригласили, — сказал я. — На этот раз на встречу с исполнительным креативным директором.

— Удачи, — кивнула она.

В машине я проверил, не забыл ли мобильный, и, взглянув на часы, написал: «10 утра».

Выехал с нашей подъездной дорожки и стал медленно двигаться вдоль соседских домов. Мистер Нильсен вместе со своими лошадьми вышел на улицу. В знак приветствия я приподнял шляпу.

Полагаю, что он — миллиардер. Продает лошадей в Саудовскую Аравию. Однако ездит на хонде. Как же мне нравятся шведы! Каждое утро, выходя из дому, я ощущаю, как меня переполняет радость, оттого что мы живем в этой стране и оттого, как мы здесь живем. Нам действительно повезло. Все-таки удача рано или поздно поворачивается к нам лицом.

* * *

День обещал быть прекрасным. Ясным и солнечным. Дорога была довольно свободной, поэтому я доехал быстро и спокойно.

Уже через сорок минут я нажимал на кнопку ее дверного звонка.

— Ты рано пришел, — сказала она, открыв дверь. На ней было платье из атласа цвета слоновой кости, обтягивающее ее так, что казалось, будто ее тело было покрыто густыми сливками. Длинные белокурые волосы были распущены и спускались локонами на плечи.

— Привет, Малин, — улыбнулся я.

— Заходи, — пригласила она.

Позже, сидя за столом в зале заседаний совета директоров, я наблюдал за шестью молодыми шведами, которые просматривали мой ролик. Он состоял из нескольких отснятых ранее видеоматериалов и новых съемок. Я знал, что это была хорошая работа. Я умею работать с камерой. Мне не раз говорили, что я прекрасно справляюсь с синхронизацией кадров. Да, у меня талант к этому.

Я пил маленькими глотками эспрессо из светло-зеленой чашки.

— Великолечно, — прокомментировал креативный директор, — очень динамично.

— Думаю, у меня хорошие перспективы, — сказал я. — Особенно учитывая мой опыт.

Было совсем нетрудно делать самому себе рекламу. Притворяйся, пока сам не поверишь, вот и все.

— Здесь написано, что вы преподавали в Колумбийском университете.

— Да, — подтвердил я.

— Почему вы решили поменять карьеру?

— Понимаете, — криво улыбнулся я, — после многих лет обучения молодых людей начинаешь понимать, что твоя жизнь движется в обратном направлении. Они уже все знают, а ты становишься каким-то динозавром с куском мела в руке.

«Да, а еще меня уволили», — мог бы я добавить к сказанному.

АВТОРСКАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ

Я глубоко признательна непревзойденным Эми Беркоуэр и Жене-вьеве Ганье-Хоус из литературного агентства *Writers House* за их понимание, всестороннюю поддержку, необыкновенное терпение — за все, что только писатель может себе пожелать. Выражаю свою безмерную благодарность Элис Мартин за ее неоценимую помощь и блестящую редактуру последнего варианта моей рукописи, а также Майе Николич и всей команде за проделанную работу по регистрации моего авторского права и права перевода книги на иностранные языки.

Огромное спасибо Рейгану Артуру, Эмили Джильерано и чудесной команде американского издательства *Little, Brown and Company*, а также Кейт Миллс и всей команде из Великобритании за их неиссякаемый энтузиазм, квалифицированные консультации и внимание как к книге, так и к ее автору.

Я в неоплатном долгу перед своей мамой Аврил Сакс и сестрой Ларой Уиз, которые всю мою жизнь дарили мне свою безграничную любовь, поддерживали меня, делились со мной своей мудростью. Они были первыми, кто рассказывал мне сказки и истории, и стали моими первыми читателями. Я искренне благодарна Лизе Кинг, Карле Крейцер и Фрэнки Морган за их бескорыстную дружбу и постоянную поддержку.

И наконец, моя глубочайшая признательность Марое за его несокрушимую любовь, которая выдержала так много испытаний. За то, что поощрял и вдохновлял меня все эти годы. Ведь именно он подал мне идею написать эту книгу, сняв для нас маленький домик в шведском лесу.

ОБ АВТОРЕ

Мишель Сакс выросла в Южной Африке. Ее первый сборник коротких рассказов «Каменный ребенок» (*Stone Baby*) был опубликован американским издательством Северо-Западного университета (*Northwestern University Press*) в 2017 году. Ее более ранние произведения были напечатаны в журналах *African Pens* и *New Contrast*, а также выпущены издательством *Akashic Books*. В 2014 году писательница попала в шорт-лист премии *Commonwealth Short Story Prize* в конкурсе коротких рассказов. «Ты создана для этого» — ее первый роман.

Літературно-художнє видання

САКС Мішель
Ти створена для цього

Роман

(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *І. А. Кір'ятська*
Художній редактор *А. В. Ачкасова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 05.10.2018. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 12,16. Наклад 2500 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»

Св. № ДК65 від 26.05.2000

61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»

61052, м. Харків, вул. Різдяна, 11.

Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.

www.globus-book.com

Літературно-художественное издание

САКС Мишель
Ты создана для этого

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *И. А. Кирьятская*
Художественный редактор *А. В. Ачкасова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 05.10.2018. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 12,16. Тираж 2500 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

Св. № ДК65 от 26.05.2000

61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а. E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»

61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.

Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.

www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Молодая семья, идеальный быт, идеальные отношения. Сэм — идеал мужчины и мужа. Мерри — прекрасная мать и хозяйка. И восьмимесячный малыш Конол, ангелочек. Сейчас они живут в Швеции, в доме с цветущим садом... Мерри приглашает подругу детства по имени Фрэнк погостить у них какое-то время. Постепенно Сэм начинает проявлять к ней повышенное внимание, и это пугает молодую супругу. А вот Фрэнк замечает кое-что странное в отношении Мерри к сыну... С каждым новым днем, проведенным в семье, Фрэнк убеждается, что все, что она видит — иллюзия, маски, за которыми скрываются настоящие лица: жестокие, деспотичные и кошмарные. Но иногда лучше не знать чужих тайн...

Сакс М.

С15 Ты создана для этого : роман / Мишель Сакс ; пер. с англ. О. Благиной. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 240 с.

ISBN 978-617-12-5795-5

ISBN 978-0-316-47540-2 (англ.)

Молодая семья, идеальный быт, идеальные отношения. Сэм — идеал мужчины и мужа. Мерри — прекрасная мать и хозяйка. И восьмимесячный малыш Конол, ангелочек. Сейчас они живут в Швеции, в доме с цветущим садом... Мерри приглашает подругу детства по имени Фрэнк погостить у них какое-то время. Постепенно Сэм начинает проявлять к ней повышенное внимание, и это пугает молодую супругу. А вот Фрэнк замечает кое-что странное в отношении Мерри к сыну... С каждым новым днем, проведенным в семье, Фрэнк убеждается, что все, что она видит — иллюзия, маски, за которыми скрываются настоящие лица: жестокие, деспотичные и кошмарные. Но иногда лучше не знать чужих тайн...

УДК 821.111(73)